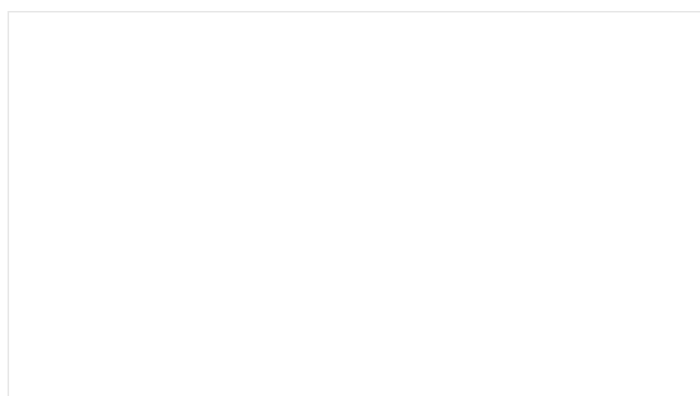

Мальчик-Жена

...Усыновлю, воспитаю наилучшим образом. Образование дам. О да, и музыка, и гимнастика... Ганимед, легко бегущий, пахнущий оливковым маслом и молодым потом... Тише, тише, только не вспугнуть прекрасной мелодии. Постепенно, чудесным образом, растет в доме нежный ребенок, превращается в отрока... дружок, ученик, возлюбленный... Людмила Улицкая, "Голубчик". 17 апреля 1998 года против Виктора Протасова было возбуждено уголовное дело по ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера). Виктор Федорович обиделся. Какое было счастье, какой восторг! Его душа и тело ликовали от этой тихой близости: он — и голубоглазый мальчик с белесыми волосами, послушный ангел. Стирать ему грязные трусы и носки не надо: мальчик чистоплотный, все сам, и любит это дело: мыть, убирать, пылесосить... А какой нежный — и смотрит с немым обожанием, ловит каждое слово, глотает каждый вздох, повторяет все движения, точно зеркало. Словом, ясноглазым отроком, подаренным ему судьбой, Протасов был доволен. Воспитанный "под себя", похожий (о, приятная неожиданность!) как две капли воды, кроткий мальчик с красивым телом — что еще нужно зрелому мужчине, который брезгует женщинами, а идти на съем случайного друга боязно, да и положение обязывает быть осторожным! Тут он оказался полностью прав: когда тайная страсть обернулась уголовным делом, его сразу же уволили с должности специалиста-эксперта Главного государственного-правового управления Президента РФ. Роковой день Вечер этого весеннего денька, 16 апреля 1998 года, 8-й интернат Москвы запомнит надолго. Директор Меньшов еще не раз в сердцах воскликнет: "И надо было Куричеву заглянуть именно в тот туалет! А мне потом пойти с этой историей в прокуратуру... Да лучше б выгнал Протасова взашей, и дело с концом!"

Культурорганизатор Павел Куричев, недавний выпускник того же интерната, как обычно по вечерам, обходил пустые школьные коридоры, смотря, выключен ли свет. На втором этаже дверь в туалет была приоткрыта — полоса света падала в коридор. Паша направился устранить беспорядок, распахнул дверь — и... Пятнадцатилетний воспитанник Артем Мониин лихорадочно дергал "молнию" — джинсы все никак не застегивались. Глядя на него, Паша автоматически протянул руку к выключателю, но у стены кто-то засопел. Куричев повернул голову. Прижавшись грудью к стене прямо за унитазом, практически прилипнув к ней, как муха к клейкой ленте, стоял Протасов. Вот как рассказывает о том происшествии сам "герой": — В этот день меня вызвал Меньшов для подписания документа относительно попечительства над Артемом Мониным. В семь часов я пришел. Мы с Артемом погуляли со всеми детьми. У Артема было с ногой не все в порядке — растяжение на уроке физкультуры. Потом мы со всеми детьми поднялись в игровую жилую здания, где в течение часа смотрели телевизор. Когда началась программа "Время", пошли к Меньшову. На пороге школы стоял Куричев — он спросил: "Куда вы идете?" Я ему ответил: "Какое твое дело, что ты вечно нос суешь?" Короче, поругались. Дошли до кабинета директора. Артем стучит. Там явно какое-то копошенье, но никто не открывает. По пути заходим в туалет — буквально на минуту. Я говорю Артему, что мне надо зайти, а то в интернате дети, мне неудобно. Артем — за мной. Вдруг по коридору: бух-бух-бух! В туалет вламывается Куричев с искаженным гримасой лицом и выключает свет. Я ему кричу: "Что ты, хулиган, делаешь?!" Он побежал к директору. Вся эта катавасия

продолжалась в общей сложности минут пять, потому что в двадцать минут десятого я уже ушел. Я сказал Галине, что у меня завтра пленарное заседание в Думе и мне рано вставать. Протасова взяли вечером следующего дня. На руках у следствия было признание мальчика, полученное культорганизатором Куричевым. Признание Лист дела 32—35: "Я учусь в восьмом интернате с первого класса 90-го года. Учусь я хорошо. В интернате у меня есть друзья. В интернате мне нравится. 27 сентября 1997 года я познакомился с Протасовым Виктором Федоровичем. Сейчас я зову его просто Витей, он сам просил меня так называть. У Вити с собой тогда была видеокамера, он снимал нашу группу, мы вышли на Манежную площадь. Нам всем — нас было десять человек мальчиков и девочек — покупал шоколадки и мороженое. Нам всем он очень понравился, ласковый и подарки дарит. Потом Витя стал приходить каждую неделю... 11 октября 1997 года, в субботу, Витя сказал, что хочет меня пригласить к себе домой. И тогда первый раз я поехал к Вите домой вместе с Галиной Ивановной. Квартира, где Витя живет, находится рядом со станцией метро "Академическая", на улице Новочеремушкинской. Посмотрели, как он живет, мне понравилось. У него однокомнатная квартира. Витя сказал, что живет один, что у него была жена, но он от нее ушел, их ребенок умер. Потом Галина Ивановна ушла. Я переночевал у Вити, все было нормально. Потом Витя появлялся в будние дни, забирал меня к себе домой. Говорил мне, чтоб я считал его своим папой и относился к нему, как к родному отцу. Потом он купил себе компьютер и позволял мне играть в игры на нем, помогал мне по учебе. Когда-то, не помню, где-то зимой 97—98-го года, но точно до Нового года, примерно 13 декабря, я, как обычно, был у Вити дома вечером и уже ложился спать (мы спали в разных кроватях). Витя подошел ко мне, лег рядом со мной, снял трусы, попросил меня взять руками его половой член и массировать его, сказал, что так ему нравится, что это ему нужно. Я этого делать не хотел, Витя стал меня уговаривать, очень просил, ласково меня называл, в конце концов я как-то подумал, что мне неудобно отказать. Он столько хорошего для меня сделал. Было противно это. Я это сделал. Потом Витя сказал, что ему очень хорошо, похвалил меня, но я ответил, что так больше делать не буду. Он сказал, что мне это потом понравится. Больше в тот раз Витя ко мне не приставал. Витя сказал мне: про то, что произошло, никому говорить нельзя, так как меня опозорят перед всеми и не будут отпускать к нему. Поэтому, вернувшись в интернат, я никому ничего не сказал. Так повторялось каждую неделю, но через некоторое время, когда точно сказать я не могу, но до Нового года, кажется, Витя, когда мы лежали в кровати, ввел мне свой половой член в задний проход. Мне было очень больно, я заплакал, но Витя сказал, что больно первый раз, но потом мне будет хорошо. Оттуда у меня была кровь, Витя мне мазал каким-то лекарством. Через некоторое время все зажило. И так еще было раза два... 16 апреля мы вдвоем поднялись на второй этаж, вошли в туалет, но никого кругом не было, в туалете тоже. Витя сходил в туалет и вдруг неожиданно предложил мне, чтобы я прямо здесь взял его половой член в рот. Я сказал, что я не хочу, что это школа, где я учусь. А он ответил: да ладно, сделай один раз, никто не увидит. Я сказал, что все равно это делать не буду. Потом он мне надавил на голову руками, я опустился на колени, взял половой член. В этот момент неожиданно в туалете появился Куричев Павел. И тут же Витя, испугавшись, отпрянул к стене, я испугался

тоже. Витя застегнул штаны, Паша ушел". На суде мальчик отказался от свои первых показаний, сказав, что это Куричев его заставил оговорить Виктора. "Требуются спонсоры" Нет никаких сомнений, что это была любовь с первого взгляда: я видела любительскую съемку. Видеокамера Виктора Федоровича, дрожа, выхватывала Артема из-за спин товарищей и словно накалялась в руках оператора от его желания рассмотреть все ближе, ближе, лишь иногда с неохотой отрываясь на других, чтобы проскользнуть по их лицам. Но во всем, что касалось материальных сторон любви, Виктор Федорович действовал экономно и осторожно. И дружбу-то саму начинал, можно сказать, за счет государства. В столичную школу-интернат №8 для детей-сирот и оставшихся без попечения родителей он пришел по объявлению "Требуются спонсоры", с порога заявив, что материально помочь не сможет, а ходить с воспитанниками в музеи и театры — пожалуйста. Директор интерната Вадим Меньшов удивился внезапному гостю (оказалось, что объявление без спросу дала воспитатель 8-го класса Галина Антимонова и... изменила этим поступком всю свою жизнь), но встретил его дружелюбно. Показав "корочки", Протасов пообещал снабжать интернат текстами всех законов и положений, касающихся воспитанников, к которым имел доступ. Еще новый "шеф" предложил снимать на видео детские культпоходы и праздники. Он предусмотрел все до мелочей. Для отвода глаз даже стал ухаживать за немолодой воспитательницей своего избранника. Но тут случилось непредвиденное. Подавая Галине Ивановне пальто, Протасов так поразил ее простое, не избалованное хорошим обращением сердце, что дама на 56-м году жизни без памяти влюбилась в молодого "кавалера". Зрел роковой треугольник. Видя неожиданно запорхавшую Галину Ивановну, шушукавшуюся с подругами: "Вот увидите, такой интеллигентный, одинокий, непременно женится", — Меньшов даже вызвал Протасова на мужской разговор. Пораженный "спонсор" категорично замотал головой: "Никогда и в мыслях не было! С тех пор как развелся с первой женой, и думать про серьезные отношения с женщинами забыл". Не успел Виктор Федорович разобраться со своей почтенной поклонницей (а он был младше ее на 14 лет), как грянул настоящий гром: специалиста-эксперта ГГПУ застали с мальчиком без штанов в общественном туалете. "Не хочу о нем говорить!" Вся жизнь Протасова до встречи с мальчиком-ангелом была лишь прелюдией. Скучной, правильной, словно кисель в детском саду: окончил МГИМО с отличием (факультет международной журналистики), защитил диссертацию по специальности "Прикладная социология", в 25 лет стал кандидатом философских наук. Виктор Федорович рассказывает свою биографию, даже морщась, как от кислого яблока. М.н.с., с.н.с., Краснодар, Сочи, снова Москва. Завидные командировки — ГДР, США, ФРГ. Неплохая карьера для молодого человека, родившегося в застойные годы вдалеке от столицы, в городе Кронштадте. Окончил ВКШ при ЦК ВЛКСМ — отличный полигон для взлета. И дальше резко по вертикали: в апреле 92-го по рекомендации знакомых зачислен в штат Главного государственно-правового управления Президента РФ на должность специалиста-эксперта. — Я пошел туда, надеясь, что буду заниматься социологией. А пришлось писать Конституцию Российской Федерации, — рассказывал Виктор Федорович почти брезгливо. — Я готовил все материалы по процессам над КПСС. Шахрай и Степанков выступали на этих процессах, а мы по ночам писали им речи. Я

служил в секторе аналитической информации. Я "вел" оппозицию — Явлинского, Зюганова, Жириновского: прогнозировал, каких шагов от них ждать, что предпринять в ответ. Шесть лет я проработал в Аппарате президента, в круг его общения не входил, но рядом часто бывал. Мы готовили очень специфические вещи, о которых я просто не могу говорить... Но тянуло меня всегда к молодежной проблематике. — У вас были друзья? — спросила я. — Нет, все только делали вид, что у нас прекрасные отношения, — и коллеги, и начальство. Вообще, вся эта подставка шла с моей работы, — ошаршил меня бывший специалист-эксперт. Начальник отдела ГПУ Виктор Мостовой, под чьим началом трудился Протасов, едва услышав его фамилию, отрезал: — Не хочу я о нем говорить! Для меня этот человек — не порядочный во всех отношениях. Скоро вы и сами это поймете. Коллега Протасова ("Он подтвердит, каким я парнем был!") Виктор Багдасаров оказался более словоохотливым: — У нас были чисто рабочие отношения. Мы никогда не знали, чем он живет, где, как проводит выходные... За все шесть лет, что он у нас работал, никогда ни с кем не стремился сблизиться, поговорить по душам. Одно время были у него большие проблемы с алкоголем — запои по неделям случались. Правда, приносил какие-то больничные, но чувствовалось: что-то не то. Потом все выяснилось, он лечился... Черты характера? Большой педант, аккуратист, каких я ни разу в жизни не встречал: на столе — скрепочка к скрепочке, бумажечка к бумажечке. При этом обладает мощной пробивной силой, но действует не напрямик, а знаете, как говорят: не моем, так катаньем. Мать его к нам приходила — очень они друг на друга похожи. Что еще? Человек, который любит только себя. А руки у него всегда тряслись: комсомольская школа давала, видимо, о себе знать. "Подставка с работы"? Что вы: абсолютная чушь! "Вел" оппозицию? Глупость какая: у нас совсем другого рода работа. Конституцию писал? Даже смешно! Добрый мой совет: все, что он говорит, делите на два... "Я вам сочувствую" Вообще, в этой истории все непросто. Бывший адвокат Протасова сказал мне: — Они действуют всей семьей: Протасов, его мать и сестра, да еще Антимонова. Разговоры, в том числе и телефонные, записывают на диктофон. А звонили они мне по шесть раз в сутки. Мой день начинался с этого семейства в семь утра и заканчивался им же в два ночи, всегда одинаково: "Когда вы его отпустите из Бутырки? Завтра? Или послезавтра?" Очень любили вставлять провокационные фразочки: "А кого вы в прокуратуре знаете? С кем можете поговорить?" Будьте с ними осторожнее. Вы не представляете, какая это грязная история... В итоге Протасов и компания подали в суд... на своего адвоката, обвиняя его в вымогательстве 25 тысяч долларов. Такой же тактики они придерживаются по отношению ко всем, кто пытается разобраться в этом деле. Директора интерната Меньшова, следователя прокуратуры ЗАО Цыркуна и его коллег называют не иначе, как "мафией", и засыпают градом жалоб все вышестоящие инстанции, вплоть до ООН. Последняя жалоба ушла на судью Дорогомиловского суда (кстати, лучшего специалиста в районе), ведущую процесс: "Преступная деятельность Лукьяновой Т.В. носит умышленный и целенаправленный характер с целью причинения вреда судебной власти и дискредитации судейского сообщества". Из-за потока жалоб дело, переданное в суд аж 27 ноября прошлого года, до сих пор не сдвинулось с мертвой точки. Хотя в одном они правы. Не должен был Меньшов,

которому Куричев сообщил об инциденте в туалете, просить Куричева же первым и поговорить с Артемом. Но и директора понять можно: все-таки молодой культработник для воспитанников более свой, еще недавно сам бегал по тем же коридорам, а тут дело тонкое, деликатное. Паша поднял Артема уже с постели, когда Галина Ивановна ушла домой. Все знали о ее страсти к Протасову, и при ней откровенного разговора не получилось бы. Да, Меньшов был не прав, поручая это Куричеву, — у того взрывной характер (в этом интернате один диагноз на всех). Но если б Куричев не сорвался и не повысил на мальчика голос, тот никогда бы не рассказал всей правды, и ничего бы не изменилось: Протасов остался бы в ГППУ, Артем — в его койке. Видимо, подстраховываясь перед медицинским обследованием мальчика, Протасов и компания договорились до того, что... это Куричев изнасиловал Артема. Во всех своих официальных жалобах Куричева они называют не иначе, как "голубой бисексуал — главный администратор". Вот только экспертиза дала резко отрицательный ответ по поводу отклонений в сексуальной ориентации Паши. Зато Протасов признан невменяемым. (Какие "интересные" люди, оказывается, работают в Администрации Президента! — Авт.) Артем — наоборот, способным отвечать за свои поступки. Любовь зла За решеткой, Протасов понял, что спасет его любовь — та самая, о которой пишут поэты и которая сметает все на своем пути. Именно такое чувство испытывала к нему Галина Ивановна. Как в народе говорят: было бы счастье, да несчастье помогло. Три месяца в Бутырке переменили чувства несговорчивого ухажера на 180 градусов, из соперницы она превратилась в невесту. Нежные письма новообращенного жениха сделали свое дело — Галина Ивановна без оглядки встала на его защиту. С тех пор даже лучшие друзья не верят глазам — так похудела и почернела она — и ушам своим, сколько грязи из того омута вылила она и на них. Зато 17 июля 1998 года ее "жениха" выпустили под подписку о невыезде. А 30 августа уже сама Галина Ивановна пошла на преступление. Подсев в Курске в поезд, на котором воспитанники возвращались с юга, она "обработала" Артема. Из поезда в автобус он уже шел с ней за ручку. И всю дорогу до интерната сидел тихо, как мышка. Галина Ивановна увела мальчика даже без вещей. Потом она скажет, что он сам убежал к ней, "спасаясь от издевательств Меньшова". С этого момента "крыша" у Галины Ивановны поехала окончательно. Дети, видевшие, как она забирает мальчика, рассказали обо всем воспитателям. Те стали звонить Антимоновой: "Не дури, верни ребенка". Она не слушала. Мальчика вызволял из плена отряд РОБОПа, Антимонова попала за решетку и "заработала" собственное уголовное дело. Правда, через три дня ее выпустили. Дело под огнем жалоб прекращали, потом возобновляли. Сейчас, наконец, предварительное следствие завершено, и скоро бумаги будут направлены в суд. Все это время Галина Ивановна знала правду. Еще в начале 98-го, до инцидента в туалете, Артем рассказал на медкомиссии, что Протасов его, 15-летнего мальчика, моет в ванной, трогает его везде руками. И еще однажды, в зимнем лагере, она застала "друзей" с беспорядком в одежде в двусмысленном положении в раздевалке. Тогда Антимонова впервые за 38 лет работы с детьми сорвала зло на своих воспитанниках: накричала на них, накормила неслабыми дозами успокоительного. После уверений Протасова, что только теперь, в тюрьме, он узнал ей настоящую цену и что раньше был не прав,

Галина Ивановна поверила и решила: вылечу, будет нормальным, перестанет заглядываться на мальчиков. Артем Прямо из квартиры Галины Ивановны Артема увезли в другой детский дом. Прокуратура строго-настрого запретила всем из его прошлой жизни видеться с мальчиком до окончания суда. Но Антимонова приходит к Артему, как он мне сказал, два раза в неделю, по вечерам, когда никого, кроме дежурных, в здании не остается. Протасов с Антимоновой нашли в новом детском доме союзницу, с помощью которой диктуют мальчику все новые и новые письма в правозащитные организации, названия которых мальчик и не запоминает. И теперь уже эта женщина написала заявление с просьбой о попечительстве над мальчиком. И что удивительно, Протасов с Антимоновой, которые, по их словам, так стремятся к созданию семьи и усыновлению Артема, не против. ...Где-то у мальчика есть папа, мама, старшая сестра и две родные бабушки, которых он никогда не видел. Когда мать Артема еще только забеременела, свекровь косо посмотрела на ее живот: не наш, мол, — нагуляла! Женщина стала травить будущего ребенка таблетками. Но он родился. Отказ от новорожденного был написан незамедлительно, хотя молодая семья все равно распалась: родители Артема, оставив ему в наследство одну фамилию, разошлись... ..Я не ожидала, что Артем, замученный всей этой мерзкой историей, станет со мной разговаривать. Но его словно прорвало: — Это было, да, но очень-очень редко. И умоляющий взгляд: поверьте, это правда. Врагу не пожелаю услышать такое признание ребенка. Он рассказал мне все. — Артем, тебе было больно, ты просил его не делать этого? — Да, я плакал, говорил, что это нехорошо, что так нельзя, но он меня успокаивал и говорил, что все, последний раз... И я каждый раз думал, что, правда, он больше не будет... Мне хочется с ним видеться, ведь ко всем приезжают, а я все один, мне скучно и обидно. Я хочу с ним жить! — А почему ты думаешь, что этого больше не будет? — Он мне слово дал. Мы виделись недавно... И в глазах такая надежда, такая наивная детская вера в "честное слово". P.S. Имя и фамилия мальчика изменены.

Авторы: ЕЛЕНА СКВОРЦОВА-АРДАБАЦКАЯ

